

Р. С-И. Семькина¹

Алтайская академия экономики и права

**ДВОЙНИЧЕСТВО В РОМАНЕ В. С. МАКАНИНА
«АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»**

В. Маканин продолжает сложившуюся в русской литературе традицию стереоскопического изображения героя. Именно через сложную систему двойников и антиподов уточняется в романе «Андеграунд...» позиция протагониста романа как Героя времени.

Ключевые слова: двойничество, двойник, писатель, сверхчеловек, мотив, антипод.

R.S-I. Semykina

Altai Academy of Economics and law

**DUPLICITY IN V.S. MAKANIN'S NOVEL "UNDERGROUND,
OR A HERO OF OUR TIME"**

V. Makanin continues the Russian literature tradition of a stereoscopic portrayal of a character. The position of the protagonist of the novel as the Hero of time is shown in the work «Underground» through the complicated system of doubles and antipodes.

Key words: duplicity, doubles, writer, superman, motif, antipodes.

В романе В.С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» критики не раз отмечали наличие повторяющихся мотивов, возвращение к сходным ситуациям, к однотипным явлениям. Серия данных возвращений определяет кольцевое построение романа: главная рама кольца – почетное положение Петровича в общаге – в начале романа на свадьбе дочери Курнеевых – в конце на новоселье у тех же Курнеевых (а между тем и другим было изгнание из общаги). Посещение брата Вени в психиатрической клинике дублируется пребыванием Петровича в

¹ Семькина Роза Сан-Иковна, доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул), член Комиссии по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского Совета «История мировой культуры» РАН.

той же клинике, но уже в качестве пациента. Встрече с успешным (перелицевавшимся) писателем Смоликовым соответствует позднее общение с преуспевающим Зыковым, первому контакту с бизнесменом Дуловым отвечает позднее другой контакт с Ловяниковым.

Кажется, что внешние параллели дают представление о циклической концепции времени, о невозможности каких-либо решающих перемен, все повторяется, все возвращается к хаосу. Но повторы служат не только и не столько мысли об остановившемся Времени. Да и не создается впечатление этой остановки: постоянные перемены совершаются в жизни общажников, озабоченных то приватизацией жилья, то возможностью торговать приватизированными «площадями». Да и отношение к Петровичу как к Писателю со временем тоже меняется.

Следует заметить, что возвращение к сходным, повторяющимся ситуациям – структурный прием, неоднократно использованный русской классикой, в том числе Ф.М. Достоевским и М.Ю. Лермонтовым. В «Преступлении и наказании» Раскольников трижды встречается с Соней и следователем Порфирием Петровичем, трижды ведет с ними диалоги-поединки. У Лермонтова в «Герое нашего времени» описана повторная встреча Печорина с Максимом Максимычем, завершающая часть романа, идущая от повествователя, и очень важная, значительная для характеристики Печорина.

У обоих русских классиков повторные встречи служат лучшему прояснению позиции персонажей, лучшему пониманию их читателем и самопознанию героев.

У Маканина также параллельные сцены и персонажи (двойники) обнажают в главном герое, который «с первого абзаца начал двоиться» [Немзер, 1998, с. 183] то, что поначалу могло показаться недосказанным, «двоящимся», «мерцающим» [Немзер, 1998, с. 183], обеспечивают стереоскопический способ характеристики героя, проникновения в его сознание и подсознание.

Двойники Петровича всегда представляют другие варианты его судьбы, несостоявшиеся возможности его биографии. Первым и главным двойником является его родной брат Вена. В отличие от Петровича у него есть имя – не простое – а имя-символ,

отсылающее к Вечному Веничке², самой культовой фигуре русского андеграунда. Веня – гениальный художник, сломленный советским строем, распавшийся, потерявший себя в психушке. Человек не только редкой одаренности, но смелости, не побоявшийся открыто высмеять своего недалекого следователя-гебиста – и оттого оказавшийся «не столько в ловушке чьего-то доноса, сколько в ловушке своего собственного превосходства над людьми» [Маканин, 2002, с. 137], в ловушке своего «я».

Сюжет брата Вениамина возникает как контрапункт по отношению к сюжету Петровича, как другая, самостоятельная интрига, но «которая кажется откопированной на первой», обе они «создают игру двух противостоящих зеркал, посылающих друг другу одно и то же изображение» [Е.М. de Vogue, 1906, с. 240-241]. Подобная взаимосвязь сюжетных линий – один из «законов композиции» Достоевского [Гроссман, 1959, с. 340-342], который «исксал в этом раздвоении очень тонкий художественный прием, заимствованный у мастеров музыки: главная драма пробуждает вдали эхо; этот мелодический рисунок воспроизводит в оркестре голоса хора, раздающиеся на сцене. Это может напомнить и две нерасторжимые романические фабулы, которые создают игру двух противостоящих зеркал, посылающих другу одно и то же изображение» [Е.М. de Vogue, 1906, с. 240-241].

Петрович воспринимает историю брата как возможный, нравственно пережитый им, вариант его собственной жизни.

Но и сюжет последних лет преуспевающего писателя Зыкова – тоже его возможный вариант. На первый взгляд может показаться, что их развел по разным сторонам простой случай: «Злые языки говорили, что мы с Зыковым стоим друг друга и что вся разница наших судеб в случайности признания и непризнания. В том, что однажды после совместной пьянки я опохмелился, а он нет. Случились вдруг западные корреспонденты (тогда еще, при цензуре бегали за нами), они-то из нас двоих и выбрали для фото Зыкова как более изможденного ... меня, только-только опохмелившегося и благодушного, в газетах отвергли. (Зачем-де им счастливики

² «Венедикт Петрович в положении своего тезки, чье путешествие в блаженные Петушки завершается московской гибелью, жизнью в пространстве смерти (словно и не выходил он из подъезда близ Савеловского вокзала)» [Немзер, 1998, с. 190]

брежневской поры)... Западные газеты на какую-то неделю запестрели фотографиями изможденного, плохо выглядевшего Зыкова, а тут как раз перестройка – совпало! – и тот час его в параллели стали издавать и там, и здесь» [Маканин, 2002, с. 437]. Разумеется, это не объясняет выбор ими разных путей в новое время, но показывает, что судьба Петровича, при известных его уступках и компромиссах, могла стать другой.

Зыков тоже относится к разряду бывших «агэшников», получивших теперь «пряник», обласканных властью. Но это серьезный двойник-антипод Петровича. Двойник потому, что он талантлив: «Злые языки говорили, что мы с Зыковым как прозаики стоим друг друга и что вся разница наших судеб в случайности признания и непризнания» [Маканин, 2002, с. 437]. Выше приводились рассуждения Петровича о том, что судьба Зыкова, успешно издающего теперь книги не только в России, но и за рубежом, могла бы стать и его судьбой. Их связывает не только память о времени андеграунда, но и все еще сохранившаяся и временами эфемерная шепетильность по поводу любой неприкосновенности к КГБ, к случайному доносу. Не случайно, глава о Зыкове, о встрече Петровича с ним носит «достоевское» наименование «Двойник». Но двойник предстает и полным антиподом. И эта игра в антиподы-двойники, контакты с антиподами, оказавшимися двойниками (Лужин, Свидригайлов) и с двойниками, оказавшимися противниками-антиподами (Соня Мармеладова) – важнейший композиционный принцип Ф.М. Достоевского, служащий в его произведениях выражением не прямой, но очевидной авторской позиции. Как антипод – писатель, порвавший с «подпольем», но испытывающий внутреннюю зависимость от андеграунда и даже ответственность перед ним, Зыков обнаруживает ту скрытую силу Петровича, которую дает ему чувство Героя-Писателя в условиях внешней самоизоляции от текущей литературы.

Эта сила – сознание своей нравственной власти (высоты) по отношению к любому искусству, творимому ради «пряника во рту». Петрович не просто выразитель общественного мнения, осуждающего всякое литературное приспособленчество. Он – Писатель, сумевший до конца сберечь свою независимость, свое самостоятельное творческое «я». А только такой писатель, при

наличии большого таланта, может стать создателем Большой Литературы. Зыков – тоже талантлив, но его сервиллизм, погоня за «пряником» ведут к измельчению таланта и потере личности: «Еще было крепкое перо, но уже не было прозы. Не было текстов. Гранитная крошка нового интеллигента, говорили про него, но и это бы ладно. Лицо – вот суть, у него уже не было лица» [Маканин, 2002, с. 437].

Однако Петрович не только защитник писательской личности. Его самоутверждение выстраивается на более широком – философском – основании. Он убежден, что развитие человечества осуществляется лишь через самоутверждение человека. Русская литературная классика XIX века, в особенности писатели 1870–1890-х годов (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, В.М. Гаршин, А.П. Чехов) тоже утверждали, что нравственный уровень личности – основной двигатель истории. Но они настаивали на необходимости совершенствования, возрождения человека. Для Петровича самобытность личности ценность безусловная, говоря словами апостола индивидуализма Ницше, «мерой и средоточием для человека может быть только сам человек» [Цит. по: Хайдеггер]. А такая посылка ведет к культуре сверхчеловека. Петрович, не претендуя, подобно Раскольникову, на идейную новизну, выступает, как и Раскольников, идеологом индивидуализма.

При встрече со Смоликовым – одним из перелицованных секретарей перелицованного Союза писателей определяется литературный статус Петровича: Смоликов считает его одним из самых талантливых современных писателей, удивляется, почему он не хочет печататься, и вместе с тем пытается использовать разговор с ним, чтобы потом, выступая на телевидении или радио, подзаработать «на подземных писательских тенях» [Маканин, 2002, с. 176]. Смоликов мелок и ничтожен, бездарен и продажен, карикатурен, как карикатурен у Достоевского Лебезятников, поклоняющийся модному нигилизму, и успех его мимолетен, и он втайне завидует настоящей силе агэшника.

Своеобразными двойниками Петровича являются «новые русские» – бизнесмены Дулов и Ловянников, которых он оценивает с позиции самоутверждающейся личности, сознающей свое духовное превосходство над другими. И важно не то, что Дулов и Ловянников не выполняют своих «обещаний», один пытаюсь, а

другой прямо используя «порядочного» писателя в своих махинациях. Важна та «духовная разметка», которую устанавливает Петрович между ними и собой. Важно понимание своего преимущества перед новыми господами и, разумеется, «другими», теми, кто им прислуживает (по-горьковски – «Дулычев и другие» – названа одна из глав). Дулов и Ловяников интересуют Петровича как люди, сумевшие обрести свое «я», обрести настоящую власть. Власть эту обеспечили им новые социальные условия: «Купцу сделали искусственное дыхание, и вот он легко и сразу заокал, после того как семьдесят лет провалился на дне глубокой воды» [Маканин, 2002, с. 186]. Важно, как он пользуется этой властью. Об этом говорят ситуации, в которых представлены господа бизнесмены. Дулов, как старый горьковский купчик (которому даже внешне подражает, по-волжски окая), широко пользуется благами, доставленными ему долларами и рублями. И хотя он умен и порой интеллигентен, вглядываясь в его «духовную начинку», «в его столь стремительное развитие в тип», Петрович приходит к выводу, что это «старый типаж нового кроя». С этой сильной личностью его «я» никак не состыкуется: «Наши судьбы бесшумно отъезжали друг от друга» [Маканин, 2002, с. 186]. Здесь ни о каком притяжении-двойничестве не могло быть и речи.

Другое дело Ловяников – «герой Вашего времени», столкновение с которым – демонстрация того, что в Петровиче жива та же волевая закваска, что в преуспевающих ныне бизнесменах, только время вынудило его по-другому проявить эту волю.

А. Немзер полагает, что Маканин «открывает в удачливом жулике очередного двойника героя подлинного («Даром, что ли, углядела общага в Петровиче страшного приватизатора? Даром ли именно его ввел в свою квартирную игру Ловяников?») [Немзер, 1998, с. 187]. Да, Ловяников в некотором смысле двойник Петровича (и это сознает сам «агэшник»). Но вовсе не как приватизатор, несмотря на то, что именно в этой функции он нужен Ловяникову. Ловяников обманул Петровича ложной дарственной на квартиру, но вызвал в нем в итоге не гнев и обиду, а удивление ловкостью и целеустремленностью. Более того, Петрович в удачной борьбе Ловяникова за квартиру увидел тот же стимул, которым постоянно определялись и его поступки: «Не алчность вела и не

деньги отстоял Ловянников, вот что я увидел – он отстоял самого себя <...> Я бился за свое “я” – Ловянников за свое. И стало понятным его упорство: человек бился до конца. А поражение от всех этих сусниных его оскорбляло» [Маканин, 2002, с. 422]. И Ловянников понимает, что способность отстоять свое «я» – главное в Петровиче: «Выбранная своя жизнь – чего же еще?» [Маканин, 2002, с. 410]. Петрович для Ловяникова – действительный герой уходящего времени – времени, когда тон жизни задавало поколение литературное – «солдаты литературы, армия: себя он относит уже к новому поколению – поколению политиков и бизнесменов – солдат дела и денег. Он герой нового времени. И Петрович принимает таких героев, называя их «молодые бизнесмены своих судеб» [Маканин, 2002, с. 424]. Правда, Петровича задевает то, что они идут вперед, не оглядываясь, и пытаются «жить без Слова» [Маканин, 2002, с. 408].

У Ф.М. Достоевского двойники несут более разнообразные функции: так, двойники Раскольникова – «овеществленные проекции его души» (П. Вайль, А. Генис) – Лужин и Свидригайлов – доводят до крайности его идеи. Двойник Ивана Карамазова Смердяков – воплощение всего гадкого, низкого, что накопилось в душе мыслителя (Ивана). Двойник Голядкина – выражение «иных» стремлений его души. Впрочем, Н.Г. Михновец заметила, что Голядкин второй – это возможный не реализованный вариант его судьбы» [Михновец, 2004, с. 121].

Сопоставление Петровича с Ловянниковым – прямая манифестация о связи Времени – линейного и кругового. Да, в жизни совершаются важные перемены – новые герои времени уже не уходят в подполье, а властвуют наверху, но ведущим мотивом их деятельности все же остается самоутверждение. В последних главах романа не случайно умирают лучшие друзья, тоже двойники Петровича – Вик Викич и Михаил, их кончины – знак вымирающего поколения «агэшников». Петрович тоже оказывался на краю гибели – чах от голода и тяжелой болезни, но сумел восстановиться, буквально возродиться физически и вернуть себе прежнюю волю к жизни. Примечательна сцена, когда, ощутив прежнее здоровье, он увидел своего двойника в зеркале: «Поджарый, можно сказать, худой, худощавый господин, уверенный в движениях и уверенный в себе, лишь несколько

вздохмаченный (я как раз причесывался), – этот господин с седыми усами, с седыми висками стоял передо мной. «Вот ведь каков!» – в третьем лице отозвался я о том, кого увидел. Меня удивило лицо, столь сильно определившееся в своем желании жить, – лицо, сложившееся, сгруппировавшееся в независимые уже от меня черты житейской энергии и ярости. Я даже ахнул» [Маканин, 2002, с. 400]. Героя даже смутила эта «показная ярость» и «твердость чувств на уверенном лице, в то время как уверенности и прежней твердости (как я знал) пока что не было, ничего не было, ноль. Мимикрия. Чтобы жить. Только и всего, чтобы жить и выжить. Но господин мне понравился. Уверенный и хорошо стоящий на ногах, знающий и про время на дворе, и про свой час» [Маканин, 2002, с. 400].

Так, отношения Петровича с писателями Смоликовым и Зыковым, с одной стороны, и бизнесменами Дуловым и Ловянниковым – с другой, уточняют позицию протагониста романа как Героя времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гроссман, Л.П. Достоевский – художник / Л.П. Гроссман // Творчество Достоевского / отв. ред. Н.Л. Степанов, Д.Д. Благой и др. – М.: АН СССР, 1959. – С. 340-342.

Маканин, В.С. «Андеграунд, или Герой нашего времени» / В.С. Маканин. – М.: «Вагриус», 2003. – 480.

Михновец, Н.Г. «Двойник» в историко-литературной перспективе / Н.Г. Михновец // Достоевский и мировая культура. Альманах № 20. – СПб.: Серебряный век, 2004. С. 105-131.

Немзер, А. Когда? Где? Кто? О романе В. Маканина: опыт краткого путеводителя / А. Немзер // Новый мир. – 1998. – № 10. – С. 180-187.

Vogue, E.M. de. Le roman russe / E.M. de Vogue. – Paris, 1906. – 260 p.

Хайдеггер, М. Европейский нигилизм [Электронный ресурс] / М. Хайдеггер. – Режим доступа: <http://www.nietzsche.ru/look/xxa/europa-nigilism/?curPos=1>. – Заглавие с экрана.

Вайль, П., Генис, А. Страшный суд. Достоевский [Электронный ресурс] / П. Вайль, А. Генис. – Режим доступа:

Культура и текст №1(14), 2013

<http://www.ct.uni-altai.ru/>

<http://www.ruslibrary.ru/default.asp?trID=379>. – Заглавие с экрана.